

Р. А. Урицкая¹**ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ СУДЬБЫ (1933–1948)**

Мы сегодня много говорим о мифах как таковых и о мифотворчестве в истории. Наверное, одна из тем в истории, которая в наибольшей степени окружена огромным количеством мифов, — это история русской эмиграции. Относительно актуальности прошлого в истории русской эмиграции нет никаких сомнений. Я была поражена, когда председатель Международного союза соотечественников за рубежом граф Петр Петрович Шереметьев сказал, что сегодня за рубежом находится, по разным подсчетам, от 10 до 40 млн наших соотечественников. Это впечатляет. Речь, конечно, идет не только о россиянах, но и о выходцах из республик бывшего Советского Союза. И как бы мы к этому ни относились, сегодня мы можем наблюдать феномен четвертой волны эмиграции.

Каждая волна — это своего рода внутренний конфликт одной части общества с другой или с государством, правительством или политическим режимом. Но самый глобальный, масштабный конфликт был, конечно, тот, который разделил белую эмиграцию с советской Россией.

На мой взгляд, это был не только политический и классовый, но и цивилизационный конфликт, поскольку белая эмиграция покинула Россию и на чужбине, в изгнании, взяла на себя миссию носительницы не просто традиционной русской культуры, но некой русской национальной идеи, то есть носительницей всего многовекового исторического наследия России. Как это ни парадоксально звучит, именно белая эмиграция — люди без родины, с «нансеновскими паспортами», оторванные листки — взяла на себя миссию хранительницы российской государственности.

Дело в том, что вся документация, которая завелась на владельца и носителя «нансеновского паспорта» во Франции, имела пометку «апатрид» или «рефьюжэ», то есть беженец. Таким образом, вопрос гражданства был обойден. Получалось, что

эмигранты, люди с «нансеновскими паспортами», гражданства не имели. Пересекая границу Советского Союза, вернуться назад с таким «нансеновским паспортом», за редким исключением, люди уже не могли. Поскольку если человек — «апатрид», беженец, он не может вернуться в страну изгнания, а если он туда все же вернулся, то автоматически терял свой статус.

После того как на череде всевозможных форумов внутри эмиграции были приняты решения, что именно эмиграция является носительницей русской идеи и хранительницей российской государственности, эта идея всколыхнула в 1930-е гг. волну патриотизма внутри эмиграции. Даже бывшие убежденные европоцентристы начали выступать с призывами к своим собратьям жить для России и посвятить России самые сокровенные, священные идеалы и т. д. Эта базовая идея — жить для России — прослеживается в публичных выступлениях, публикациях в эмигрантской прессе, высказываниях на разнообразных многочисленных диспутах и, конечно, в творчестве русских эмигрантов.

Так, в начале 1930-х гг., будучи не в состоянии принять Коммунистический интернационал — выхолощенную, вненациональную и внецивилизационную модель мира, белая эмиграция противопоставила ему «русскую идею», под которой подразумевалась сложившаяся за века русская национальная цивилизация, и взяла на себя роль носительницы этой «идеи», а вместе с тем и хранительницы русской национальной государственности. Подобное понимание исторической миссии эмиграции породило среди русских эмигрантов всплеск патриотических настроений. Весь политический спектр эмиграции — от крайне левых до крайне правых — призывал служить России.

В 1933 г., когда нацистская партия, пришедшая к власти в Германии, объявила «крестовый поход» против коммунизма, патриотические элементы эмиграции, обеспокоенные судьбой своей покинутой Родины, мобилизовались перед угрозой возможного вооруженного нападения на СССР. Одни, расценивая военное вторжение как единственный

¹ Сотрудник Международного мультидисциплинарного центра при Совете Европы «ЕВРОЭТНО», доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

шанс свергнуть коммунистический режим, под лозунгом «Хоть с чертом, но против Сталина» мечтали о разгроме Красной армии. Другие, которые не могли примириться с иноземным захватом России («Свобода отечества прежде всего»), страстно желали победы Советского Союза в надвигающейся войне. Таким образом, патриотически настроенная эмиграция разделилась на два враждебных друг другу лагеря: «пораженцев» и «оборонцев».

В стане первых оказались многие офицеры Российской общевойсковой армии (РОВС), в том числе генералы Головин, фон Лампе, Архангельский, Свечин, Бискупский, Витковский, Туркул, а также большинство казачества под руководством генералов Краснова и Шкуро. За поражение России в войне ратовали и великий князь Владимир Кириллович, и мыслитель П. Струве, предполагавший, что «поражение СССР в войне и передача Сибири и советской части Дальнего Востока противнику были бы скорее позитивны для будущего России».

В авангарде «оборонцев» стояли такие видные деятели эмиграции, как Бердяев, Бунин, Маклаков, возглавлявший Представительство русских беженцев во Франции, митрополит Евлогий, генерал Деникин, Керенский, князь Ширинский-Шихматов, представители «евразийского» движения и многие другие. П. Милюков в 1933 г. призывал: «В случае войны эмиграция должна быть на стороне Родины». Великий князь Дмитрий Павлович также регулярно высказывался в прессе за то, чтобы эмиграция поддержала Родину в случае войны. Он говорил: «Нужно укрепить и объединить армию, чтобы не быть “спасенными” нашими соседями. Немцы предлагают нам помощь? Они, вероятно, хотят “спасти” нас от нашей Украины и нашего Кавказа». В 1935 г. в Париже был создан Союз русских «оборонцев», действовавший под лозунгами «Нужно быть с Россией», «Нужно изучать советскую жизнь», «Нужно верить в новую Россию».

В период германской оккупации Франции (1940–1944), согласно занятой позиции, «пораженческой» или «оборонческой», некоторые «белоэмигранты» в той или иной форме сотрудничали с нацистами, но многие вели борьбу с оккупантами страны, давшей приют. Русские беженцы вступали в ряды французского Сопротивления и создавали собственные подпольные организации. Само название «Резистанс» («Сопротивление») французское антифашистское движение получило с легкой руки эмигрантов из России — Бориса Вильде и Анатолия Левицкого, организовавших одну из первых (а может быть, и первую) в Париже подпольных групп. За участие в Сопротивлении французским правительством были награждены князь Вырубов, князь

Амилахвари (посмертно), княгиня Волконская, княгиня Оболенская (посмертно), князь Гагарин, князь и княгиня Макинские, князь Урусов, Ариадна Скрябина (посмертно), Борис Вильде (посмертно), Анатолий Левицкий (посмертно) и многие другие.

По свидетельству многих эмигрантов, 22 июня 1941 г. стало днем мобилизации для всех русских патриотов в изгнании, днем их самоидентификации с советским народом, ведущим освободительную войну. В этот день под лозунгом «Ни белые, ни красные, но русские», князя Голицина, Оболенский, Волконский, Дашков, графы Воронцов, Шувалов и генерал Махров, которому было 65 лет, обратились к послу СССР во Франции Богомолу с просьбой направить их в ряды Красной армии. Конечно, эта просьба не была удовлетворена. Дипломатические отношения с СССР были расторгнуты, и посольство покинуло страну. Однако сам факт такого обращения послужил неким импульсом для более активного включения русских эмигрантов в борьбу с нацизмом — врагом их Родины — на территории Франции. Самой многочисленной боевой организацией, созданной белоэмигрантами, стал Союз русских патриотов. Его члены способствовали побегам советских военнопленных из немецких лагерей, находившихся во Франции, переправляли их в отряды Сопротивления. Вместе они принимали участие в освобождении Парижа, вместе водрузили красный флаг на освобожденном ими здании советского посольства на улице Гренель.

Победы Красной армии и то место, которое СССР занял на международной политической арене в 1945–1948 гг., стимулировали зарождение «нового» патриотизма, так называемой советизации, в среде русской эмиграции. По словам Ивана Бунина, белая эмиграция стала «краснее рака». Кроме радикально настроенных сил, таких как Союз русских патриотов, который к концу войны стал Союзом советских патриотов, были и умеренные, например Объединение русской эмиграции за сближение с Советской Россией, членами которого являлись Василий Маклаков, князь Вырубов и Трубецкий, адмиралы Вердеревский и Кедров и многие другие.

Советская власть обеспечила в глазах русских патриотов две фундаментальные составляющие государственности: национальную независимость России (СССР) и ее территориальную целостность, а также авторитет страны, а значит, и нации на международной арене. Это вызвало определенные симпатии эмигрантов к советской власти. С этого момента патриотические силы эмиграции отказались от борьбы с советской властью и взяли курс на ожидание ее постепенной эволюции.

* * *

В. Е. ЧУРОВ: — Отчасти я тоже занимаюсь исследованием данного вопроса. Мой двоюродный дед был членом и Союза российских патриотов и Союза советских патриотов. Я в своей книге написал примерно то же, что и вы сейчас рассказывали, может быть, чуть более эмоционально. Нужно учесть, что русская эмиграция во Франции наблюдала массовый коллаборационизм. Она видела, как пресмыкались французы перед немецкими оккупантами, выдавали своих еврейских друзей, обшивали немецких

офицеров, вступали в сексуальные отношения и т. д. Что они увидели потом? Как пришли американцы и за пару шелковых чулок получали все, что желали. Одновременно с этим появляются русские офицеры в мундирах известного цвета: императорский зеленый, с теми же погонами, с похожими орденами... Это очень живо описано во многих мемуарах, но печально другое. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. мы вдруг «вспомнили» о белой части эмиграции и забыли о тех, кто был лоялен к Советскому Союзу.

Сейчас, когда волна схлынула, иногда приезжают самозванцы-авантюристы, использующие знаменитые, поистине уважаемые российские фамилии, такие как Шереметьев и др.

Например, недавно скончалась очень известная деятельница русской эмиграции, очень популярная одно время в современной России Татьяна Меттерних-Васильчикова¹. Какие же у семьи Васильчиковых связи с абвером? Кто-то из них то ли участвовал в заговоре в 1944 г. против Гитлера, то ли не участвовал... Однако в мемуарах четко написано, что, когда Ипполит Васильчиков перевозил отца через границу из Литвы в 1940 г., после вступления советских войск в Литву, «на границе меня встречали мои дочери с офицерами абвера». Эти мемуары изданы в России. На самом деле подавляющее большинство русской эмиграции первой волны после 1945 г. было лояльно к Советскому Союзу. К сожа-

лению, в последующие годы россияне их во многом оттолкнули, однако несмотря на это значительная часть эмиграции достаточно тесно сотрудничала с Советским Союзом как со своей родиной. Лучше иметь родину, чем ее не иметь.

Кстати, Эльдар Рязанов в четвертом издании своих мемуаров «Неподведенные итоги» дает примерно такую же оценку, описывая свой конфликт с Войновичем при постановке «Чонкина». Он пишет: как странно, что мы сначала этих эмигрантов принимали, а потом вдруг обнаружили в их глазах какое-то презрение к нам. Мы-то были здесь, со своей страной, всегда, за что нас презирать, чему нас учить?

Сейчас история повторяется. Эмигранты четвертой волны массово возвращаются в сытую, богатую Россию. Главное — не повторять прежних ошибок. Русская эмиграция — это наша эмиграция, это наши люди.

¹ Меттерних-Васильчикова Татьяна Илларионовна, видная деятельница российской эмиграции и благотворительница, автор мемуаров «Женщина с пятью паспортами. Повесть об удивительной судьбе» (СПб., 1994.). — *Прим. науч. ред.*